

1
Сон про маму.

М. Зыков (перевод с польского).

Когда во время русско-японской войны русский полевой судья приехал на расстрел японского офицера за его преданность своей родине, перед ним неожиданно приговора он спросили, как же может распорядиться найденными при нем деньгами, не скажет ли офицер эти деньги своим друзьям, — тот ответил: „деньги я передал в пользу международного общества Красного Креста, о которых я только тогда заботился лишь не надо, своей смертью я лишь обезпечиваю самое важное пожелание Микадо.“

Этот пример отваго глубоко поразила пачку и развращенный мир и вызвал бурю восторга, главным образом потому, что дело Японии было выиграно.

За себя же, борец польской земли, не пострадал никто и нигде. Когда ты безвременно продаешь свою одиночную голову в плен, когда с сердцем прибитым солдатскими пулями падаешь в кровавую яму, когда в сибирских равнинах Сибиря догораешь медленной смертью обреченных — тебе не останутся своим благословением и далекой родиной земли под ногами.

За подобой подобой ров, вырванный в долину швейцарии
а перед подобой бравады ряды солдатских штыков.
Земляки твои от тебя откажутся, соседи твои забудут,
попытки твои известны в сердцах почитателей не на долго
и мысль, как давно уже это доказано, не держит
дольше часу. —

И никому будет
накормить твоих друзей, и никто не даст им
приюта. Улица, не глупая и верная будущим
или прешакинам, а восмужание их и прехва
щения безвозмездно возмет на себя хулиган. Твое
геройство кончану не будет с восмужием восмуж
вать весь мир, ибо твоё дело проиграно...

Почему это геройство твоё выше героизма
Дюныца! Против себя все! Менавьер, шрусель, завоевать
низкая интрига, малая развратность слабых
мира и безсознательная покорность рабов. Из
весь улов, щелей, скверности и отдушники с некая
всего глядят на тебя глаза грабниканфов, жи
левладпедцев, псевдо-патриотов и всякого рода
тучишней богословенного огня. Нет ип, кому
не нужно величие души, кого не восхищала грех
неустрашимую подирной руки, циничного зрелища ртуть
твой сорвать царский парадигм (горностава вт Манфре),
всё они, сирфавшие за щепотку солдатских штыков

и прижав на помощь продажную и угодиливуру [3]
прессу, разлит медя ядовитого клеветного со всех
сторон, полюбилеши нищетою и невостановити Земляки
масс. Сидри за подобой по твоей муренической
тронить, которого тебе идешь осторожно, как
травлений звать и послешно, как привидание,
такае прешитник, подиракав твоему греху
и присвоивая седь твоё имя. — Твоя сур-

дено умираю же великое дело, без послонного утешения храбрых,
- без славы. Но не для славы ты вышел на бой. Ты сможешь
но идешь отвоёвывать мир, хотя бы даже против его воли
у царства мира и мира. Твоё призвание умишорить
насиле человека наур головному, у муки Земляки
родить великий головгеский дух, шредущий и умишорий
завоевать седь право любви и дарь счастья всем. И для того
ты вывал на бой лук и корону весь мир. Поэтому
то, чтобы тебя окончательного умишорить, редом с твоими
поувирнишеским крестом ставял позорный символ нека
дяд. — Ты вышел в непроходимую осеннюю ночь,

когда подучно был злобный ветер и дождь хлестал безм
щадно, а мы, весь двадцатомиллионный народ, сиам
в своих снах, шбах, подволах каменными снами рабов
Пусилея ты в шурь поучилеши конюрабандишери нека на
сильно гаси печального станка, а за пущей печалью
слово, возбуждающее освобождение души и тела. Но твоя рука

держал ты шест, оступившись на дороге и гася копыта
на асфальте, сдерживая границу, в правой
заряженый револьвер. Так ты проводи границу
ныш ртуть, леса и дороги, обаяя босыми ногами
своей путь. — Ты эту же ночь пробу-

гало провозглашение прав своего Пролетария и
просило выговори носило догмат. Между нашими по-
ду уже застыли сердцами нищих дутом и далеки-
ми забытыми могилами наших переломников,
ты прощай, «выборно стирку» и принес нам их жа-
вощание — Независимость родины! Почувствуй под
сильного родника галено, ты не останавливайся шел
туда, где слышала стон немощного труда.

Ты бездельник, забытых кормильцев всего мира, о
козирях даже от галена забыла, ты отыскала, прожд-
ни ты стирку и силежа в дружную раба борцов за свободу.

Кто соображает сколько пылающих вдовственым
глаз покрыла ледяной корой Сибирская стирка? Кто
слышит обаять по безбрежное море стирки, которое
вынес в своих оловах полбелый сожго миф? Ты вгор мо-
жет провалить ты бурю от галены, зачужденный
путь, который проложил он по мертвою замедлен-
ным пыффеным и сухими безлюдными полями?

А ты мертвое галено иль перздает галено воронбе

которое существовать только для того, чтобы своим парка-
 ным порогом величия идеи. По примеру печалей
 оно сфарсера слыть в одно твоего святого эскрибу с про-
 думками негодя, который крадеся по твоим следам
 потицаю добычу. Иногда только в просфых сердцах
 народа тоскливо прозвучит эхо твоей бороды и твоих
 страданий. Но ты сам эгой народ! Ты, как щедро
 поливая своей кровью родную землю, возросшими
 на ней такие сны, такие легенды и песни недва-
 лой досель красота, каких ни одна страна еще не
 создавала. — И жней мой тесный воин,
 что одна родимая поэзия будет твоем вторым, не
 отступившим другом. Только она жей не улетит в
 эту мануру, когда все от тебя отшатнется. Не устрем-
 ляй ее ни твои безумно смелые мечты, ни твои
 бесстрашные поступки. Если даже ты будешь подтве-
 ден, что и тогда они останутся твоим отрезвляющим
 своего бесстрашного рыцаря; все заимая, все
 подбавляя силами и твоим трудом, и твои бесконечные ноги,
 и твои полевые страдания дни, и твоего мучку, и
 твоего коня. Под голову твоего, издавучо солдатеками
 прикладом она положит гениальнейшее творение
 родной души, каких еще ни для кого не смелось, и
 которое прозвучит поетом в твоем сердце. Нарядит

Дорогой Александр - Сын -

Получил я Ваше дружеское письмо, но
не мог сразу ответить, а во время нашей
корреспонденции для "Рус. Вост.", которую
я буду переводить на немецкий. Но Россия
не имеет литературной конвенции, переводят
тогда только по спросу, и не имеют особого
предмета, если у них не поступит. А то
тогда будет работать мануфактурный перев.
дело не имеет значения посылки. То круп
издательство полностью изурнало и русская
совершенно другой. Я еще не получил письма
от Анненкова, но думаю, что он и не будет
писать по этому вопросу, а м.б. можно
адреса не писать. Я все таки постараюсь,
чтобы в немецком журнале не было сфаль
сировано, как в "Рус. Вост." - Я уже писал
Вам, что я настоятельно позволю себе
исправить Вашу рукопись, так как

Мы же знаем, когда Вы переведите это
либо с польского и когда появится
первый выпуск и польских авторов.

Я же хочу Вам посоветовать через издательство
но все полагается по русски. Вы же хорошо
знаете о польском авторстве, рассказе которого
будет переведен, да и несколько кратких
хотел бы объяснить и характеристику. —

При этом хотелось бы кратко отметить
"Сон о шмале", написанный выдающимся
современным польским писателем
под псевдонимом Зык. Перевела эту
сказку моя жена со сдержанной любо-
пытностью к Вашим переводам это на Люблинскую
жизнь и идею в польских элементах боевой
дружбы, которая сформировалась
недавно и имеет революционный характер
борьбы с демагогием русского правления.
в Польше. — Или воспримет, когда Вы
читаете, а затем клянется и поощряет.

Тысячи лет Погрома, гр. всеман
 гужу "Пофок", но не получил в ав.
 а отец я заинтересован. Он проф
 левицаф несколько срафей об айтая.
 Газеты из Америки не получил и не
 видны. Это такое имееф Пофрен-
 ков - интересно. -

Новй уфе и в Марша
 сетчовофетско со времени всеман
 Наше имеема урало боево в
 утсачев, а сшафей наша оди-
 цатеневе все мит и киф. -

Писафе гр. скорпи, урели-
 лаифе. Только тогда, когда дурей
 можно некафь прифа, я не гово-
 рю о мит зурналах, которые
 от неупривител зредити наша
 сшафей (русские болатсивоф
 и польскй Серинкс). -

Если бы наш пономель грф-
 граерий с дофрелом Сачилител,
 то они бы отец уриодилель,

Юрий иезуитский жму, что совершил
ездя на Сахалин и как раз по дороге
некоторых русских и японцев.

Меня много очень везет
прошографиям сейков. — Меня
повели, что пойдя на Сахалин
проц. Цудои и еще кто то из Чи-
версифера. Наверно они и много
стали бы в д.м. дали бы офицера.
Я подтвердил бы виду одному своему
приказу М. Макаева, приехал
Макаев в. времени Ямагути, Макаев
был на Сахалине и в Такадаф
искал ему письма, но не получил
ответа. —

До свидания. Все хорошо
и много это споры и шашки и
сараи дивные и сарайки и
прошография. Провел Вам
шесть, Фрунда-Сам и друг. Жена
Мам Фроимов Диле

Андрей

Закопане. Кирюшки 78. —

T. Hasegawa San.
Nisizakamachi N10

Aug 76

Hongo-ku
Tokyo
Japan via America

17th November
1908

Handwritten Japanese text in blue ink, including the characters '寄附' (Gift) and '57(14)封' (57 (14) envelopes).

特別
14
2090
57(14)封

57(14)封